

МИКОЛА АДАМ
КАЖДОМУ
СВОЙ АД

Микола Адам

Каждому свой ад

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21201178
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Книга «Каждому свой ад» состоит из четырех повестей-триллеров «Каждому свой ад», «Шелк. История страсти», «Антигерой» и «Волк. Морок». Всех их объединяют страхи героев и преодоление этих страхов. Еве К. из повести «Каждому свой ад» предстоят испытания, которые прямым образом приведут ее на правительственную службу. Героине «Шелка» – скромной учительнице русского языка и литературы – придется научиться доверять собственному сердцу, чтобы не потеряться в бесконечности мира. Антигерой из одноименной повести вынужден будет доказывать, что он герой. Ну а Волк из заключительного произведения сборника должен будет догнать самого себя и понять, кто он.

Содержание

КАЖДОМУ СВОЙ АД	4
1	4
2	16
3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Микола Адам

Каждому свой ад

КАЖДОМУ СВОЙ АД

1

Короче...

Я искала работу. Я всегда в поиске. Мне нравится сам процесс. Новые лица, знакомства, обстановка, связи... Но все как-то не везло. То меня зарплата не устраивала, то я не устраивала работодателей. А иной раз, приезжая по адресу устраиваться на работу или хотя бы на собеседование, адреса не находила. Богат и безграничен на чудеса мегаполис, к слову. Возможно, увлеченной поисками, словно жаждой приключений, которыми меня Бог обделил, стоило остановиться и задуматься, а нужна ли мне вообще работа, если она все время убегает от меня, как заяц от волка?..

Остановиться и задуматься я опоздала. Пришла домой после очередной безуспешной траты времени, расшвыриванием его, словно лишними деньгами, по офисным бульварам и холдинговым площадям, залезла на кровать с ногами и включила ноутбук – подарок брата на день рождения – он

у меня актер и просто душа, даже больше подружка, чем брат. Нет, он нормальной ориентации, и таких натуралов, как он, еще поискать... просто... он мой старший брат, со всеми вытекающими. И, кроме него, из близких, из самых близких, у меня никого не было.

Сообщение в нижнем правом углу мяукнуло очаровательным котенком о том, что пришло письмо. Я открыла почтовый ящик и прочла: «Требовательному руководителю требуется послушный секретарь». Телефон прилагался ниже. Обратного адреса не было, как не было и названия предприятия, которое приглашало на работу. Понимай, мол, сама, как хочешь, а если не совсем дура, набирай указанный номер телефона и звони. Ну, я же не дура, поэтому позвонила сразу. Приятный женский голос поинтересовался, умею ли я творчески мыслить, на что я утвердительно затараторила о своем почти высшем гуманитарном образовании и о брате-актере, которого, между прочим, хотели все девушки страны от 14-ти до 50-ти, такой он был талантливый и замечательный. В театр ходили не на спектакль, а на него, и билеты следовало покупать заранее. Кому не везло, тот довольствовался, не помню уже какой серией «Мужчины без прошлого» по телевизору. В этом криминально-мелодраматическом сериале Гоша, мой горячо любимый братик, исполнял главную роль.

Все же занимательно-познавательный рассказ о Гоше был прерван и задан вопрос: удобно ли мне приехать по такому-то адресу прямо сейчас и сколько дорога займет време-

ни? Естественно, мне было удобно, только далековато, хотя я сказала, что добраться к ним не составит никакого труда. Меня поблагодарили и пообещали ждать и оплатить проезд. Наконец-то, может быть, бесплодные ранее поиски работы закончатся положительно. Не зря же я столько резюме разослала по самым различным фирмам!..

Я одела строгий деловой костюм – пиджак, юбка, блузка, туфли на каблуке. Накрасила губы, подвела для большей выразительности глаза, хотя они и так все выражали, дальше некуда, пошла на выход. В дверях столкнулась с мужем. Вот же принесла нелегкая! Не мог подольше поковыряться в своей машине! Как всегда, надо подгадить в последний момент!..

– Ты куда? – обеспокоенно спросил он.
– На собеседование, – обреченно ответила.
– Какая должность? – продолжался допрос.
– Секретарь.
– У тебя же почти высшее образование...
– Оно мне как-то помогает в жизни?
– Не знаю. Ты же хотела учиться...
– Ты дашь мне пройти? Сам же каждый вечер бубнишь, когда я уже начну работать?..

– Но ты ведь не начинаешь, – заявил Смайл. Это прозвище мужа, еще со школы. Его Смайлом все и зовут. Даже я иногда забываю настоящее его имя. – К тому же, – продолжал он, – из-за твоих бесполезных отлучек из дома я всегда остаюсь

ГОЛОДНЫМ.

– Смайл, – достал он меня, – у тебя рук нету? В холодильнике – колбаса двух видов, яйца, консервы. Сам бутерброды не сделаешь?.. И вообще я опаздываю, дай пройти!

– А если ты не на собеседование?.. – вдогонку понеслось мне, когда я вызывала лифт.

– Смайл, не нервируй меня! – бросила я в закрываемую входную дверь и вошла в лифт.

Я вызвала такси. Женский голос по телефону сообщил, что расходы на дорогу оплатит фирма. Назвала адрес и через пятнадцать минут вышла у небоскреба. Я даже не знала, что у нас есть такие. Встала, задрав голову, и стояла некоторое время, смотрела, как дура, на чудо цивилизации. Такие здания раньше только в американском кино и видела.

Улыбчивый чернокожий швейцар любезно открыл двери, пропуская меня внутрь. Девушки из службы справки проверили мои слова, на счет собеседования. Потом одна из них провела к лифту и сказала, что сойти мне нужно на седьмом этаже, а дальше идти по коридору до кабинета № 709. Я кивнула, что все поняла, и зеркальный лифт окружил меня же мной. Даже жутковато стало в присутствии стольких клонов. Ощущение непередаваемое. К счастью, лифт двигался очень быстро и мой творческий ум не успел нафантазировать всевозможных ужасов, связанных с закрытым пространством и мною в этом пространстве.

Я вышла из лифта и оказалась в узком, извивающемся,

как змея, коридоре, с окнами на одной стороне и дверьми на другой. Нужную дверь я отыскала без проблем, постучалась и открыла ее. Голая блондинка сидела за компьютером и играла в снайпера на Великой Отечественной войне. Кроме нее, компьютера и телефона на подоконнике в приемной больше ничего не было.

Смутные сомнения зароились в голове. А сюда ли мне нужно?

– Вам прямо, – словно прочитав мои мысли, показала девушка рукой на еще одну дверь. – Там открыто.

Я обошла голую блондинку и открыла вторую дверь.

За столом, склонившись над бумагами, задумался полноватый на вид, розоволицый мужчина лет тридцати, в тройке, с галстуком на шее. На меня он не обратил никакого внимания, словно я призрак, и мне пришлось кашлянуть несколько раз, чтобы он оторвался от своих бумаг и вышел из «нирваны».

– Да? – вопросительно уставился он на меня бесцветными водянистыми уставшими глазами.

– Я на собеседование, – сказала я, не двигаясь с места и продолжая стоять в дверях. – Вы мне письмо написали, – решила добавить, – а потом я сама позвонила.

– А, да-да! – взгляд его оживился и посвежел. – Проходите, присаживайтесь.

Я прошла вперед и села на стул напротив будущего шефа. С нескрываемым интересом он разглядывал меня и облизывал

вал губы – пухлые, похожие на пиявок. Мне стало неловко. Заметив мое состояние, он расслабился и откинулся на спинку кресла, в котором сидел.

– Имя? – вдруг быстро спросил.

– Ева, – назвалась.

– Цвет? – опять так же быстро спросил он.

– Простите, что? – не поняла я.

– Цвет назовите, который нравится, – объяснил он, – только быстро.

– Красный, – ответила я и подумала, что меня тестируют, наверное, таким образом.

– Домашнее животное?

– Кошка.

– Книга?

– «Мастер и Маргарита».

– Пора года?

– Весна.

– Город?

– Париж.

– Кинофильм?

– «История О.»

– Встаньте!

– Встаю, – сказала безо всякой задней мысли и поднялась со стула. А он изучающе вылупился на меня.

– Я, надеюсь, вы понимаете, почему вы здесь? – вдруг вкрадчиво спросил он.

– Нет, – наивно захлопала я глазками, как куколка.

– Скажите, разве тема БДСМ вам не близка? – так же вкрадчиво продолжал двигаться в выбранном направлении возможный босс.

– Близка, – не отрицала я.

– Так вот, ваша должность, вернее, получение должности, целиком зависит от вашего поведения, – прямо в ухо, как таракан, залез он мне языком.

Я все поняла. Чувак насмотрелся «Секретарши» с Мэгги Джилленхол и Джеймсом Спейдером, проникся фильмом и решил тоже попробовать поиметь девочку с пристрастием. Безусловно, он не ошибся, отправляя сообщение мне на «мыло» в том, что я не откажусь от подобного времяпрепровождения совмещать приятное с полезным да еще получать за это деньги. Но на Джеймса Спейдера он вообще не был похож, впрочем, как и я на Мэгги, скорее, на Сару Мишель Геллар – Баффи – из одноименного сериала об истребительнице вампиров. В теме БДСМ я оказалась не так давно, но мне жутко хотелось всего, что эта тема имела в потенциале и, естественно, мне нравилось в ней находиться. Как я открыла для себя новый мир, расскажу позже, потому что предполагаемый шеф закрыл дверь на ключ и приказал мне подойти к столу с другой стороны, склониться над ним, упершись ладонями в крышку стола и замереть. По сюжету фильма мой будущий босс должен был отшлепать меня. Я не ошиблась. Несколько сильных ударов, произведенных с раз-

маху ладонью, обрушились на мои ягодицы, причиняя сладостную боль. Да, я мазохистка, признаюсь честно, и мне совсем не стыдно осознавать это, но не до фанатизма, поскольку еще начинающая.

– Тебе нравится? – оторвал босс меня от стола и повернул лицом к себе, тяжело дыша.

– Нравится, – скромно ответила я.

– Меня можешь отшлепать? – вдруг попросил он и занял мое место.

– Нет, – разочарованно развела я руками, сразу же потеряв интерес после его просьбы, как к мужчине. Мужчина должен быть хозяином и подчинять своей воле. Этот же мне подставлял свой зад, как гомосек какой-то, он, впрочем, им и был, хотя жил с женой и ребенком, как выяснилось. Слава Богу, жена ничего не знала об увлечениях дорогого супруга.

– Может, ты еще и юбочки любишь примерять? – предположила я, перейдя на «ты», как только потеряла уважение к собеседнику, на что он, в общем-то, не обиделся, направляясь к двери.

– Не уходи, – перехватил на полдороге меня извращенец, – давай обсудим, не торопясь. Присядь, пожалуйста...

Ладно, я уступила его уговорам и села на первый попавшийся стул, которых в кабинете находилось множество. Неудавшийся босс сел рядом, по-собачьи заглядывая в мои глаза.

– Понимаешь, – взял он меня за руку, – когда я был сту-

дентом, то был влюблен в одну женщину-преподавательницу, которая соглашалась проводить со мной время, если я разрешал ей творить со мной то, что ей нравится. А ей нравилось наряжать меня в свое белье, связывать и хлестать плеткой...

– И тебе, в конце концов, это понравилось тоже, – помогла я ему.

– Да, – кивнул горе-шеф, – но мне все время хочется оказаться на ее месте...

– Поэтому кинул объявку, – помогала ему я. – И скольким уже?

– Только тебе, – поспешил заверить «мужчина». – Ты очень красивая, готова к экспериментам, я вижу по глазам. Если ты согласишься работать со мной – недостатка в средствах больше не почувствуешь...

– Но ты же нижний, – возразила я. – Ты приученный быть снизу с самого начала. Может, ты и представляешь себя верхним в фантазиях, но в реальности у тебя вряд ли получится.

– Давай завтра встретимся на спецквартире, – предложил босс в перспективе, – ты посмотришь на действо, а потом под чутким руководством Розы, моей хозяйки, я возьму тебя в свои руки и...

– Ты ничего не сможешь сам, – уничтожала я его мужское начало. – Я люблю мужчин, а с тобой просто теряю время. Продолжай отдаваться Розе. Это получается у тебя лучше всего.

Так смело я разговаривала с человеком, от которого зависело, буду я работать или нет, потому что знала, что ничего здесь мне не обломится. Шеф изначально был противен, к тому же слишком женственен, его жену было жаль, его нет, и работы тоже нет. Я встала и целенаправленно двинулась к двери.

– Я отвезу тебя, – все-таки не хотел отпускать меня просто так несостоявшийся требовательный руководитель.

Я ничего не имела против. Лучше ехать на машине, чем в переполненном транспорте в час пик.

Автомобиль у него был шикарный и большой, голубого цвета, с кожаным салоном. Я села назад, но меня попросили пересесть вперед, удобнее разговаривать. Только разговора никакого не последовало. Хозяин машины включил музыку, отвратительную и примитивную, все время глядел на дорогу с умным сосредоточенным видом. Я откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза. Его рука тут же оказалась на моей коленке, полезла вверх под юбку. Ладно, решила, пусть потешится. Но он не остановился на достигнутом. Свернул в какой-то переулок, заехал в тупик, выключил музыку, растегнул ширинку и, схватив меня за шею, склонял к минету, на удивление, сильными руками.

– Не отпустишь, – прошипела я, тщетно вырываясь, – откушу все хозяйство!

Он отпустил, поднял руки вверх. Я рванула дверцу, в надежде вырваться из машины, но та не поддавалась. Этот козел

заблокировал выход.

– Я тебе ничего не сделаю, – тяжело дыша, проговорил, – и отвезу, куда скажешь. Только не мешай, хорошо?..

Такой умоляющий взгляд только мертвого не разжалобит.

– Хорошо, – согласилась я и снова удобно устроилась на сиденье.

Неудачливый маньяк достал из бардачка презерватив, натянул его кое-как на своего червяка и стал дергать его, как насос, при этом одна рука его сжимала мою грудь под блузкой, а глаза застряли в моих трусах под задранной юбкой. Стонал и пристанывал незадачливый шеф, как женщина. Слава богу, длилось это недолго. Около минуты. Меня чуть не стошнило.

Ничего не говоря, он выбросил использованный презерватив и завел машину. До самого моего дома никто из нас не произнес ни звука. Потом, когда я выходила из машины, он сказал, что завтра будет ждать.

– И не надейся! – как отрезала я и поспешила в подъезд.

Оказавшись в квартире, первым делом я заперлась в ванной, сняла всю одежду, что была на мне, и бросила в стиралку, встала под душ, смыть все прикосновения незапланированного свидания, чтобы и воспоминания о нем не осталось.

Смайл так и не поел. Ждал меня, отпугивая голодные боли компьютерной стрелялкой.

– Евушка, – не отрываясь от экрана, занюнил он, как только я вошла в нашу комнату. Комнат было четыре, и в каж-

дой жили родственники Смайла – две сестры с мужьями и родители. Готовили каждый себе. – Евушка, я буду сегодня кушать или нет?..

– Будешь, – успокоила мужа, готовая сорваться на нем, хотя он ни в чем не виноват. – Будешь, – повторила я и отправилась на кухню, спрятавшись в домашний халат, готовить ужин. К счастью, на кухне никого не было.

Я выросла в глухой и забытой Богом деревне, чье население составляли жлобы, алкаши, выродки и дегенераты. С самого детства, если ты читал книжки, тебя переставали считать человеком и всячески оскорбляли и издевались твои же сверстники и одноклассники, а также все старшие. Взрослые на жалобы не реагировали. Они были еще хуже детей. Мы с Гошей, хоть разница у нас в пять лет, но коснулось это нас обоих в полной мере, как белые вороны в окружении черной стаи выпясывали танец смерти. Каждый норовил задеть, зацепить, заставить танцевать этот танец до конца. Гоша страстно любил читать. Возможно, чтение само выбрало его, чтобы, хоть на мгновения, длиною в объем книги, он смог забыться и оказаться в лучшем и светлом мире, поверить, что не все люди скоты. Естественно, родители не могли позволить себе покупать ребенку книги. Денег не хватало им на «бырло», не то что на ненужные абсолютно в хозяйстве вещи. Гоша ходил в библиотеку, размещавшуюся в сельском клубе, который находился в самом центре деревни, где собирались с раннего утра дегенераты и алкаши, такие же чада присоединялись после уроков в школе. Походы в библиотеку всегда для Гоши заканчивались побоями. В скором времени он стал отбиваться, защищаясь, давать отпор. Во дворе построил турник, каждый день подтягивался, разрабатывал

акробатические трюки, которые мог позволить этот турник. С кирпичного завода, закрывшегося сразу после развала Советского Союза, оставив 80 % местных жителей без работы, в том числе и наших родителей, прикатил колеса от вагонеток, очень похожие на штангу, занялся раскачкой мышц и пресса. К семнадцати годам, к окончанию школы, Гоша превратился в красивого парня и душой и телом, можно сказать. Вынужденный обстоятельствами с детства защищаться, он никого и ничего не боялся, дрался жестоко, но по делу, повторяя, что добро должно быть с кулаками. На велосипеде ездил два раза в неделю в райцентр на репетиции театра Дома культуры. Ему нравилась сцена, и он мечтал стать актером, что, по большому счету, ему и удалось. Он выскочил из этой грязи и вони, так называемой пафосно «родины», и забыл о ее существовании. И я его не осуждаю. Сама последовала его примеру, только более кардинально, чего от меня никто не ожидал, даже я не верила, как решилась на такое.

Гоша с подругой, друг у него было много, но сильно он не увлекался, не разменивался на мелочи, летом ходил на дискотеки, проводимые на турбазе, расположенной неподалеку от деревни, брал и меня с собой. Что мне было делать одной долгими вечерами в компании пьяных друзей мамки с папкой? Мне едва стукнуло двенадцать лет, но выглядела я на все четырнадцать, поэтому глаза на мне сломал не один мальчик. Целоваться, как видите, меня научили рано. И сексуальный опыт я обрела бы в младенчестве, если бы не ис-

пугалась, когда увидела то, чем в меня собирались воткнуть. Взгляд мой остановился на этом чуде природы и застыл в ужасе, а рот раскрылся в немом крике «не хочу». Мы были одни в комнате. Парень, лет восемнадцати, из отдыхающих, притащил меня к себе показать фильм ужасов, от которых я просто тащи́лась, а этот, который он обещал показать, не видела, но очень хотела посмотреть. Никакого видео, естественно, у него не оказалось. Он закрылся на ключ, поставил меня на колени и в мой открытый от ужаса детский ротик попытался вставить свой член. Да куда? Детский же ротик так широко не открывается. Но, видимо, даже попытка его завела, потому что через какое-то время в мой рот что-то брызнуло, от чего меня тут же стошнило, и я истошно закричала, точно сирена. Прорвало наконец. Дверь вышибли, парня сбили с ног, ко мне склонились люди. Какая-то девушка подняла мне голову, провела рукой по лицу, вымазав пальцы в липкую массу.

– У нее все лицо в сперме! – возбужденно воскликнула она. – Ева, что он делал с тобой? – И к окружающим: – Зовите Гошу!

Никогда я не забуду Гошиного взгляда зверя. Он методично избивал парня удар за ударом, поднимал упавшего, снова бил и снова поднимал, вымещая всю злость на нем одним, накопившуюся за долгие годы обид, сидевших в нем, как черви, и точивших изнутри.

Что стало потом с тем парнем, я не знаю. Помню только,

что он попал в реанимацию, а Гошу никто не сдал ментам. Меня же, трясущуюся от нервов и страха, зареванную, Гоша на руках отнес домой.

Это был не первый случай. Были и похожие. Но они заканчивались безвредно.

Я подумала и решила, что нужно повременить с походами на дискотеки и со свиданиями, получив тяжелую моральную травму, лет до шестнадцати. К этому времени должно пройти отвращение к мужчинам, чьи козлиные рожи вызывали во мне приступы рвоты. К тому же, Гоша уехал учиться в столицу. Он поступил в театралку, как и хотел. Странно, но никто не верил, что он поступит, ведь его за человека не считали. Самое обидное, когда дегенераты принимают тебя за дегенерата. Гоша больше не вернулся в деревню. Он даже на похороны родителей не приехал. И я его не осуждала. Я и сама бы не приехала. Хотя нехорошо так говорить о мамке с папкой. Родителей не выбирают, а заслуживают. Вычурная сентенция. Мне она никогда не нравилась, но, тем не менее, факт остается фактом.

Я с головой ушла в религию, в ней нашла спасение и утешение. Как раз в то время в деревне появилась баптистская церковь, которая и приняла меня в свое лоно. Когда умерли родители, сгорели, и в буквальном и в переносном смысле, заснули пьяные, а папка с зажженной сигаретой, отчего случился пожар, церковь забрала меня из школы и определила в библейский колледж, который я окончила с красным ди-

пломом. Конечно, диплом этот не имел никакой силы в мирской жизни, но свидетельствовал о высшем духовном образовании.

За годы учебы я ни разу не услышала плохих слов, недоброжелательства не почувствовала в свою сторону, злости, ненависти. Только умиротворяющая всепоглощающая любовь окружила меня заботой и уютом. Меня даже хотели выдвинуть в миссионеры, что считалось почетным и знаковым для выпускников.

В колледже я и замуж вышла за старшего на курс Смайла. Из всей семьи он единственный был верующим. Сейчас Смайл сильно изменился. Но тогда это был веселый, озорной затеяник, который никогда не сидел на одном месте. Все ему было интересно, все он хотел попробовать на зуб, во всем разобраться и всем доставить радость. Поскольку Смайл был столичным парнем, жил он дома с родителями, а ко мне приходил в общежитие при колледже, всегда с цветами и тортиком. Развлекал меня и двух соседок по комнате разными смешными байками и случаями из своей жизни и жизни друзей или знакомых, но целоваться не умел. Я не говорила ему этого, потому что чувствовала, что Смайл позовет меня замуж, а если скажу, обидится и не то, что не позовет, а вообще перестанет приходить в гости. Хотя, кроме него, в женихи мне набивались еще несколько парней. Я же была первой красавицей колледжа, это вам не хухры-мухры. И поняла я это, конечно, не сразу, но очень быстро, сравнив себя с

остальными девушками-студентками. Тогда же все чаще мне стали сниться сны, повторяющие в различных вариантах и ритмах те сцены и эпизоды из небольшого моего детского сексуального опыта. Я просыпалась в поту и вскакивала, отгоняя сон, но засыпая вновь, рассчитывала, что приснится то же самое. Физиологическое, то, что заложено природой, как его не закапывай и не замуровывай, все равно вырывается наружу и фонтанирует с невероятной мощью. Поэтому я с нетерпением ждала замужества, ведь до свадьбы нельзя – грех, чтобы насладиться тем, о чем не говорится и скрывается при свете дня, но что необходимо и позволено делать в браке. Тем более что Смайл обещал открыть мне такие горизонты и дали, которые я и представить себе не могла.

С Гошей мы перестали общаться сразу после того, как я покаялась и приняла крещение. Он не понимал и не хотел понимать моего решения. Считал, что я попала в религиозную секту фанатиков, но, если мне там хорошо, мешать не будет. Однако и в гости приходить не будет тоже. Он вообще к религии и к вере, в частности, относился скептически, спорить на тему не любил и всячески противился разговорам, затрагивающих Бога. Понять его можно, и Гошу я поняла, но не сразу. Сначала упрекала в невежестве и незнании жизни, это я-то, соплячка необразованная, прочитав несколько страниц из Библии, пытаюсь вразумить и наставить на путь истинный. Сама оттолкнула от себя Гошу. С тех пор мы не общались. Но он был единственным родственником, родным

братом, которого не позвать на свадьбу я не имела права. К тому же, что это за невеста такая, которую некому подвести к алтарю?

Я позвонила в театр узнать расписание ближайших спектаклей с участием Гоши, хотя могла, в принципе, и сходить лично познакомиться с репертуаром на афише. Мне вежливо подсказали нужные дни и, выбрав методом тыка один, я отправилась на представление, причем честно купила билет.

Спектакль шел на военную тему. Гоша блестяще справлялся с ролью. Военная форма сидела на нем, как влитая. Я смотрела на него, на его лицедейство и гордилась, что я родная сестра, а он мой старший брат. Его игра пробирала до дрожи, а слезы текли по щекам, не останавливаясь, особенно поразил финал, когда герой Гоши погибал. Я аж вскрикнула, испугавшись за него, и закрыла глаза, чтобы не видеть лица смерти, хоть и ненастоящего. Когда открыла, взволнованно улыбнулась. Гоша, держа за руки партнерш, благодарно кланялся и лучезарно улыбался, живой и невредимый.

После спектакля к братику было не пробиться. Но я покорно ждала, пока рассеется толпа фанаток, потом попросила кого-то из работников театра, чтобы передали Гоше, что его ждет сестра. Он не задержался ни на секунду. Сразу выбежал, увидел меня, схватил на руки, закружил и поцеловал, на зависть многим и многим девушкам, стоящим в сторонке в ожидании возможности хоть автограф получить.

Гоша увел меня в свою гримерку и заперся на шпингалет,

усадила меня в кресло, сам присел на краешек стола у зеркальной стены.

– Потрясающе выглядишь! – оценивающе, по-мужски, рассмотрел меня братик.

– Спасибо, – потупила я глаза, но быстро подняла их и восхищенно ответила: – А ты потрясающе играл!

– Еще бы! – самодовольно встряхнул головой Гоша. Но меня нисколько не покорило это. Он артист, артисты, как дети. Тщеславие и самомнение им необходимо, чтобы стимулировать личный творческий рост. – С чем пожаловала? – охотно спросил после и высказал предположение: – Надеюсь, не за тем, чтобы агитировать меня вступить в твою секту?

– Гоша, не начинай! – не понравился мне его тон. – Я же не учу тебя, как нужно говорить и двигаться на сцене.

– Ну, ты априори не можешь этого делать, – возразил он. – Но не будем о грустном. Что-то случилось?

– Я выхожу замуж, – в лоб, как снайпер, выпалила я.

– Куда ты выходишь? – уставился Гоша на меня строго и как-то по-отцовски, что я вдруг потерялась вся и не знала, что делать, да еще засомневалась, нужно ли мне замуж вообще.

– Замуж, – еле слышно повторила я, со страхом, как приговора, ожидая, что Гоша скажет дальше.

– Это же прекрасно! – спокойно произнес он. – Мечта каждой женщины – выйти замуж. К тому же ты созрела как раз для такого шага. Избранник твой – достойный человек?

– Старше меня на курс, – появившаяся было надежда, что все пройдет гладко, погасла, как огонек свечи.

– Он что, тоже богом ударенный, как и ты? – взорвался Гоша.

– А за кого, по-твоему, я должна выходить замуж? – рас-
свирепела и я. – За ублюдков, таких, как в деревне? Или за
таких, как твои друзья-гомосеки?..

Гоша расхохотался.

– Что ты смеешься? – ударила я его кулачком в плечо, от
чего он еще больше расхохотался. – Я что-нибудь смешное
сказала? Или сама такая смешная?

Гоша сгреб меня в охапку, сел в кресло, в котором сидела
я, меня посадил к себе на колени.

– Как ты сказала, «друзья-гомосеки»? – сквозь смех про-
говорил он и снова неудержимо засмеялся, заразив и меня. –
Тебе слова-то такие можно произносить? Боженька не зару-
гает?

– Прекрати, – шутливо отвечала я.

– Да, сестренка, – успокоившись, но еще вздрагивая пе-
риодически от беззвучного смеха, сдерживая себя, вздохнул
Гоша, – семейка у тебя будет еще та...

– Ты придешь на свадьбу? – спросила я.

– Конечно, приду, – не задумываясь, ответил Гоша. – Ты
же мой единственный родной человечек.

– Только... – замялась я.

– Только что?

– Свадьба будет безалкогольная. Сам понимаешь...

– Ну, что тут поделаешь, – задумчиво произнес Гоша. – Будем пить минералку. Иногда полезно.

– Спасибо, Гоша! – чмокнула я братика в щеку.

Он проводил меня до метро. Хотя, кто кого провожал, было непонятно. Липнущие со всех сторон фанатки замедляли движение и вообще преграждали дорогу. Утром Гоша приехал в общежитие от колледжа, поставил всех на уши, во-первых, своим визитом. Верующие люди, хоть и закоснелые в консерватизме, но такую личность, как мой брат, трудно было игнорировать. Во-вторых, удивил меня. Он подождал, пока я оденусь, потом усадил в машину, но ничего не говорил, почему приехал за мной, и куда едем. Остановилась машина у свадебного салона. Гоша купил мне платье, самое красивое и умопомрачительное, которое я выбирала полдня, он же спокойно и терпеливо ждал, а вокруг бегали и сустились девочки из персонала. Я была счастлива за такой подарок, потому что собиралась брать платье из проката. В день свадьбы Гоша организовал и девушек из салона красоты, которые делали мне укладку, маникюр и из просто красивой невесты превратили в прекрасную. Смайл, когда увидел меня, упал в обморок от неожиданности, пораженный силой моей красоты.

Гоша появился не один, с подругой, Марией Журавлевой, декадентствующей поэтессой и драматургом, по чьей пьесе готовился премьерный спектакль, в котором, безусловно, Го-

ша репетировал главную роль. Лет под двадцать пять, приятной наружности, со слегка пышными формами, она не сводила глаз с Гоши, одетого в белую тройку, но с черным галстуком и в черных ботинках. На двоих, они подарили нам со Смайлом две тысячи долларов, но побыли недолго. Когда закончилась торжественная церемония, удалились, отмечать мою свадьбу в своем кругу. На их месте мне тоже было бы неинтересно, наверное. Уходя, Гоша предупредил Смайла, что, если он узнает, хотя бы в полупамятках, о возможных обидах, причиненных сестренке, Смайл очень пожалеет о том, что вообще знаком с Гошей. Но супруг Евы – глубоко верующий человек, поэтому Гоша не сомневается в его порядочности. Братик поцеловал меня на прощание, кивнул Смайлу. Его спутница тоже поцеловала меня, пожелала счастья, по щеке Смайла провела рукой.

Отец Смайла вообще не пришел на свадьбу. По его представлениям, свадьба без водки и последующей драки – фарс и ничего больше.

Но, тем не менее, свадьба состоялась.

Было весело, легко и просто. Проводились различные игры и конкурсы. В качестве сюрпризов приглашенные гости разыгрывали для нас театрализованные представления, пели песни, поздравляя меня и Смайла, и славили Бога.

Утро взорвал телефонный звонок моего несостоявшегося работодателя. Обычно на ночь я отключаю телефон, но в тот раз забыла. Смайл зло пробубнил что-то на ухо и укрылся с головой одеялом. Я вылезла из постели, сонная и растрепанная, схватила телефон и послала назойливого абонента на самый далекий и длинный хутор, но в ответ слышала истерический хохот, который, не то чтобы испугал, заставил насторожиться. Что-то в смехе было не так.

– Выгляни в окно, сука, будешь приятно удивлена! – сменился хохот на приглушенный шепот.

Я нырнула под занавеску, уставилась в окно. С девятого этажа открывался прекрасный вид урбанистического двора, в котором, прямо напротив подъезда, под самыми окнами, стояла машина нарушителя спокойствия, а сам ее хозяин сидел на капоте, свесив ноги, и махал мне рукой.

– Ты что – больной? – вырвалось у меня во весь голос.

– Евушка, нельзя ли потише! – требовательно провозгласил Смайл из-под одеяла. – Здесь все-таки люди спят! Выйди куда-нибудь и там разговаривай. А еще лучше выключи телефон и приготовь чего-нибудь покушать...

Я выбежала из комнаты в зал, где тоже прилипла к окну.

– Надо поговорить, – продолжал несостоявшийся работодатель. – Выходи немедленно или я лично поднимусь и

устрою в твоём семействе такой кипеж, что геноцид покажется раем.

– Ты на часы смотрел, ублюдок?.. – вскипела я, но говорила тихо, боясь разбудить сонное царство «родных и близких».

– А как же! – отозвался абонент. – Самое время побеседовать по душам. Тем более что я обещал тебя ждать. Вот сижу и жду. Но не испытывай моего терпения. Я уже почти настроился подняться к тебе...

– Сиди, где сидишь, козел! – выдала я. – Сейчас выйду.

– С нетерпением ожидаю!

Я отключила телефон и выскочила из квартиры в том, в чем и проснулась. На мне болталась длинная, как платье, белая футболка, которую я одевала вместо ночнушки. Джинсовые короткие шортики я все-таки успела натянуть и всунуть ноги в шлепанцы. Не покрашенная, неумытая, с торчащими в разные стороны волосами, больше похожая на фурию, чем на красивую девушку, я распахнула настежь подъездные двери и с разбегу влетела в этого тупоголового извращенца, который радушно распахнул объятия, в надежде принять меня в свое лоно. Он очень удивился, когда я заехала ему между ног коленом, при этом потеряв один шлепанец. Чувак согнулся в три погибели, схватившись за источник боли обеими руками, и взвыл, как белуга. Тем же коленом я сломала ему нос. Заливаясь кровью, он свалился на асфальт навзничь, ревя ревмя и дрыгая ногами, а я его еще отпинала

в толстые бока. Вдруг меня какая-то сила швырнула вперед. Я ударилась лицом о капот, но не упала. Та же сила подняла меня за шиворот и засунула в машину на заднее сиденье, зажимая рот рукой. Краем глаза я увидела, что избитую мною карикатуру на мужчину тоже засунули на переднее сиденье рядом с водителем, хлопнули дверцы, машина тронулась. Я начала вырываться. Приятный женский голос сообщил мне, что, если я не успокоюсь, мне сломают пальцы. Я кивнула, что поняла и больше не дергалась.

По бокам от меня, в странной униформе, не то военной, не то милицейской, с пилотками на головах и в кожаных туфлях на высокой платформе, сидели две женщины лет по тридцати модельной внешности. Одна из них меня и шандарахнула дверцей, открывая ее, когда я пинала безмозглого юриста. Она же зажала мне рот, а потом, убирая руку, вытерла ее о мою футболку. Машина была другая, но очень похожая и с внешней стороны и внутри на ту, в которой я находилась вчера. Только стекла были тонированные.

– Сейчас раздеваешься, и без лишних вопросов! – приказала другая, та, что сидела слева.

Не ожидая, пока я самостоятельно сниму одежду, та, что справа, несколькими ловкими движениями сорвала с меня футболку, а шортики и трусы искусно разрежала ножом, вытащила из-под меня и выбросила на ходу в окно, чуть приоткрытое. Кожаное покрытие, нагревшееся утренним солнцем, неприятно обожгло обнаженную плоть. Я заерзала. Мне

тут же швырнули в лицо полиэтиленовый сверток, приказали развернуть его и одеться. Это была кремовая шелковая пижама.

Когда я облачилась в обновку, мне связали руки за спиной, рот заклеили скотчем, голову спрятали в капюшон пижамы, натянув его на глаза.

Испуганным мышонком я вжалась в спинку сиденья, не зная, что и думать. Похищать меня не имело никакого смысла, если логически рассуждать. Выкупа за меня ни в жизнь не получить, поскольку денег-то у нас не водилось. Как только они появлялись, не задерживаясь, сразу же исчезали. Смайл и мои, и свои средства вкладывал в машину, которая была дороже ему, чем, собственно, я. Может, он вообще обрадуется, что я пропала. Хотя, загибаю. Не такой уж он и плохой. На органы пустят? В проститутки продадут? В рабство?... А куда милиция смотрит? Человека похищают средь бела дня, а они и усом не шевелят! Вернее, средь бела утра. Поэтому и не смотрит никто. Все спят в свои законные выходные. Вот так умрешь, и никто не узнает, где могилка твоя.

Главный злодей, получивший люлей (стихи прям), сопел впереди, ныл и хныкал, точно девчонка. Пусть бы с меня брал пример. Сижу, беспомощная, в полном неведении, куда и зачем меня везут, и ничего, не жужжу, как говорится. А так хочется зареветь, закричать, чтобы меня спасли, как в дешевых американских фильмах ужасов...

– Это ни в какие ворота не лезет, – канючил терпила. – Не

девушка, а просто маньячка какая-то. К ней всем сердцем отнеслись, а она – драться...

– Рот закрой свой! – приказала одна из моих конвойных. – Слушать противно!

– А ты не слушай, – посоветовала ей подруга справа, – добавь еще. Ему же нравится.

– Мне нравится совершенно другое! – поспешил заявить немощный. – И в отчете я укажу всю правду о действиях этой... неблагодарной.

– Заткнешься ты когда-нибудь или нет! – не выдержала та, что слева, и вlepила ему затрещину. Тот заскулил и больше за всю дорогу не произнес ни слова, впрочем, как и все остальные, только хныкал потихоньку.

Ехали долго. Я задремала. Очнулась от удара ребер обо что-то твердое, но смягченное, видимо, ковровой дорожкой. Это меня вытолкали из машины. Рывком подняли, просунули руки под мышки и поволокли куда-то вверх по лестнице, застеленной ковровой дорожкой, которую я чувствовала босыми ногами.

Остановились, по всей видимости, у двери. В нее постучали. Дверь отворилась, и меня поволокли дальше. Опять остановились. Посадили на жесткий деревянный стул с полукруглой спинкой, ноги привязали к ножкам стула. Сняли капюшон с головы и сорвали с губ скотч.

Я сидела в центре небольшой полутемной комнаты, стилизованной под допросную. Одно зарешеченное окно, голые

стены, как в фильмах про «зону». Из мебели в ней находился еще стол, на которой стояли лампа, графин с водой, два гра-
ненных стакана, красная папка лежала посредине стола. Две
мои конвоирки застыли в дверях, будто секьюрити у входов
на модные пати.

– И что дальше? – спросила я у них.

Но они не ответили. Они вообще на меня не обращали
внимания, будто меня не существовало вовсе. Стояли, как
памятники самим себе, уставившись в одну точку и скрестив
на грудях руки.

– Дальше что? – повторила я свой вопрос, который повис
в воздухе без ответа, как неприкаянная душа.

– А дальше все зависит от вас, – распахнулись двери, и
в помещение вошел приятной наружности молодой человек
с черными длинными волосами, собранными в хвост, в до-
рогих туфлях, джинсах и футболке без рукавов, поигрывая
внушительными бицепсами.

Он уселся на столе лицом ко мне и уставился острыми ко-
лючими глазами.

– Каким образом? – не поняла я.

– Поверьте, вы здесь не случайно, – произнес он. – Никто
даже головы не повернул бы в вашу сторону, если бы вы не
были собой.

– Это как? – все же не понимала, куда он клонит.

– Между прочим, вы можете прямо сейчас встать и уйти, –
вдруг заявил молодой человек, – чтобы не тратить зря ни

мое, ни свое время.

– Ни фиги себе! – возмутилась я. – Это я еще ваше время трачу?! Вы в своем уме, говорить такое?! И вообще, как я, по-вашему, встану и уйду? Вместе со стулом, что ли?..

– Вас немедленно освободят.

– Зачем тогда везли сюда и устраивали весь этот маскарад?

– Проснулось любопытство? – улыбнулся молодой человек, обнажив прекрасные белые зубы, как у голливудских кинозвезд.

– Это не любопытство, – возразила я. – Вам от меня что-то нужно, судя по всему, а не мне от вас.

– Тут вы ошибаетесь, смею вас уверить, – продолжал улыбаться молодой человек. – Мне вы не нужны абсолютно. А вот то, что я могу предложить вам и, собственно, поэтому мы вдвоем с вами здесь и собрались, для вас непосредственно представляет огромный интерес.

– Удобная позиция, – произнесла я, – предлагать беспомощной жертве свободу, глядя на нее сверху вниз.

– Свободу я вам не предлагаю, – отозвался тот.

– Что же тогда? Несвободой я уже сыта.

– И тут вы ошибаетесь, не разобравшись в понятиях «свободы» и «несвободы». К тому же сами еще не знаете, какое из состояний вам ближе.

– Вы знаете это лучше меня?

– Не я. Я всего лишь, что-то вроде посредника.

– И?..

– Вам же нравится фильм «История О.»?

– Ну, нравится, и что?

– Догадайтесь сами.

– Вы хотите сказать, что построили и открыли замок рабынь? – полоснула догадка, как нож по горлу. – Эдакий проклятый рай для страждущих?

– Не совсем, – покачал головой молодой человек. – Вернее, совсем не то, о чем вы подумали.

– А о чем я еще могла подумать, если вы спросили, нравится ли мне «История О.»?

– Логично, – согласился он. – Но все равно мимо. Объясняю.

– Будьте любезны, – склонила я иронично голову.

– А вам идет, знаете, словесная самооборона, – заметил молодой человек. – Ничего не пописываете случайно?

– Случайно не пописываю, – ответила я и нетерпеливо потребовала: – Вы что-то объяснить хотели!

– Да-да, – кивнул он. – То, что вы оказались здесь, сугубо ваша вина, – начал он и сделал паузу, вероятно, ожидая, как я отреагирую на подобное заявление, но я промолчала, внимательно вслушиваясь в его слова. – Вы искали работу, поэтому пришли в нашу холдинговую компанию, в которой сотрудники получают очень высокую зарплату, даже секретари. Но секретари у нас необычные. Отведенная им роль в работе холдинга – самая главная. Они должны быть

красивы, умны, обаятельны, коммуникабельны, с отличным вкусом во всех областях, затрагивающих интересы холдинга, спортивно подготовлены, способны выдержать любые физические и моральные нагрузки, желанны и артистичны, а главное, жизнелюбивы. Вам еще интересно? – паялился он на меня, как на какую-то проститутку, оценивая примерную стоимость услуг.

– Продолжайте, – отозвалась я.

– Для каждого будущего секретаря необходим испытательный срок, продолжительностью в один месяц. Для вас он уже начался, но юридической силы пока не имеет. Как только вы подпишете контракт, испытательный срок вступит в свои права и вами займутся профессиональные педагоги и специально подготовленные сотрудники холдинга. Но, на протяжении всего месяца, вы не будете принимать никаких самостоятельных решений, а строго следовать режиму и расписанию. Другими словами, вы станете пластилином, из которого вылепят нового человека, именно такого, какой необходим холдингу. Ничего страшного с вами не произойдет. Память стирать не будут и опыты ставить, как на крысах, тоже. Это своего рода курсы секретарей. Добавлю еще, что жизнь, в полном ее проявлении, вы обеспечите себе со стопроцентной гарантией.

– А несвобода, в полном ее проявлении, обязательный атрибут? – съязвила я, но оказалась права.

– Я еще раз повторяю, – произнес молодой человек, – на-

сильно вас никто не заставляет подписывать контракт. Либо вы его подписываете, либо вас сажают в машину и отвозят обратно, туда, откуда привезли. Тогда вы забываете о нас, мы, соответственно, о вашем существовании.

Я задумалась. Что я, в принципе, теряю? Нелюбимого мужа с жилплощадью, на которой живу на птичьих правах? Двух любовников, от которых не особо завишу, скорее, они от меня, к тому же пропавших неизвестно куда, не без участия моего драгоценного муженька? Работу? Но я безработная и безденежная. Да и жизнь сложилась как-то комом, как первый блин. То, что предлагал этот качок – дышало красотой и насыщенностью, самой жизнью. А ведь так хочется дышать по-настоящему, не притворяться, что дышишь, а на самом деле задыхаешься. Может быть, это шанс, посланный свыше, чтобы я, наконец, вдохнула в себя жизнь полной грудью, а не употребляла суррогат. Кто я такая по жизни? Ведь никто. И ничего у меня нет. И не было никогда. Хвастаться нечем. Даже оправдываться не в чем. Скучно и однообразно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.